

Ответ одного интернационалиста Мадзини

1870, источник: [здесь](#). Перевод с французского Л. Гогелия.

Если есть человек, всеми уважаемый в Европе и который своей сорокалетней деятельностью, исключительно посвященной великому делу, действительно заслужил это уважение, так это Мадзини. Он, бесспорно, является одною из самых благородных и самых чистых личностей нашего века, я сказал бы даже самую великую, если бы величие было совместно с упорным культом заблуждения.

К сожалению, в самой основе революционной программы итальянского патриота заложен был с самого начала существенно ложный принцип, который парализовал и сделал бесплодными его самые героические усилия и самые гениальные комбинации и рано или поздно должен был увлечь его в ряды реакции. Это принцип какого-то в одно и то же время метафизического и мистического идеализма, соединенного с патриотическим честолюбием государственного деятеля. Это культ Бога, культ божеской и человеческой власти, это вера в мессианское предназначение Италии, царицы наций, вместе с Римом, столицей мира, это политическая страсть к величию и славе государства, необходимо основанных на нищете народов. Это, наконец, религия всех догматических и абсолютных умов, страсть к единообразию, которое они называют единством и которое является могилой свободы.

Мадзини — последний великий жрец религиозного метафизического и политического идеализма, доживающего свои дни.

Мадзини упрекает нас в том, что мы не веруем в Бога. Мы, наоборот, упрекаем его в том, что он верует в него, или, скорее, мы даже не упрекаем его в этом, мы жалеем только, что он верует в него. Мы бесконечно жалеем, что благодаря этому вторжению мистических идей и чувств в его сознание, его деятельность и жизнь он принужден был выступить против нас со всеми врагами освобождения народных масс.

Ибо невозможно больше ошибаться на этот счет. Кто теперь выступает под знаменем Бога? От Наполеона III до Бисмарка, от императрицы Евгении до королевы Изабеллы и между ними папа с своей мистической розой, которую он галантно преподносит по очереди то той то другой, все императоры, все короли, весь официальный, официозный и дворянский мир и все привилегированные Европы, тщательно переименованные в календаре Гота, все пиявки

промышленного, торгового и банковского мира, патентованные профессора и все государственные чиновники: высшая и низшая полиция, жандармы, тюремщики, палачи и вместе с ними попы, составляющие ныне черную полицию душ, работающую в пользу государства; все генералы, эти гуманные защитники общественного порядка, и редакторы продажной прессы, такие чистые представители всех официальных добродетелей. Вот армия Бога.

Вот знамя, под которое становится ныне Мадзини, помимо своей воли, конечно, увлеченный логикой своих идейных убеждений, которые принуждают его если не благословлять все, что они благословляют, то по крайней мере проклинать все, что они проклинаят.

А кто находится в противоположном лагере? Революция, смелые отрицатели Бога, божественного порядка и принципов власти, наоборот, по этому именно верующие в человечество, в человеческий порядок и человеческую свободу.

Мадзини в молодости своей, разделяя оба противоположных течения, был в одно и то же время жрецом и революционером. Но с течением времени чувства жреца, как и должно было ожидать, заглушили в нем инстинкты революционера; и теперь все, что он думает, все, что он говорит и делает, дышит самой чистой реакцией. Это вызывает великую радость в лагере наших врагов и печаль в нашем.

Но не будем горевать, у нас есть другое дело; все наше время принадлежит борьбе. Мадзини бросил нам перчатку; наш долг поднять ее, чтобы не могли сказать, что из уважения к прошлым великим заслугам человека мы склонили голову перед ложью.

Не с радостным сердцем можно выступить против такого человека, как Мадзини, которого вынужден глубоко уважать и любить, даже борясь против него, ибо никто не может сомневаться в глубоком бескорыстии, в огромной искренности и не менее огромной любви к добру этого человека, несравненная чистота которого сияет во всем своем блеске среди развращенности нашего века. Но почтительность, как бы законна она ни была, никогда не должна превращаться в обожание; есть вещь более священная, чем величайший человек в мире, — это истина, справедливость, обязанность защищать святое дело человечества.

Не в первый раз Мадзини бросает обвинения, чтобы не сказать оскорбления и клеветы, против нас. В прошлом году в письме, адресованном своему другу, идеалисту и жрецу, как и он, знаменитому Кине, он едко порицал материалистические и атеистические тенденции современной молодежи. Это было его право, логическое следствие его образа мышления: он имел несчастье всегда связывать свои самые благородные стремления с вымышленным существованием абсолютного Существа, зловредного и нелепого призрака, созданного детским воображением первобытных народов, который, постепенно видоизмененный творческой фантазией поэтов, ставший более красочным и позднее получивший строгое определение и послуживший началом системы, созданной абстрактным мышлением теологов и метафизиков, теперь рассеивается, как настоящий призрак, каким он является на самом деле, под могучим напором народного сознания, созревшего под влиянием исторического опыта, и благодаря еще более беспощадному анализу действительной науки. И так как знаменитый итальянский патриот с самого начала своей долгой карьеры имел

несчастье верить все свои помыслы и свои самые революционные действия под защиту этого вымышленного Существа и сковать с ним всю свою жизнь, принеся ему в жертву даже действительное освобождение своей дорогой Италии, то можно ли удивляться, что он негодует теперь против нового поколения, которое, воодушевляясь другими принципами, другой моралью и другой любовью, чем его, отворачивается от его Бога?

Горечь и гнев Мадзини естественны. Быть в продолжение больше чем тридцати лет во главе революционного движения Европы и чувствовать теперь, что от него ускользает это руководство; видеть, что это движение начинает идти по пути, по которому его закоснелые убеждения не позволяют ему не только управлять им, но даже следовать за ним; остаться одиноким, покинутым, непонятым и отныне неспособным понять самому ничего из того, что происходит перед его глазами! Для такой великой души, гордого ума, огромного честолюбия, какими обладает Мадзини, и под конец долгой карьеры, целиком посвященной службе человечеству, это — трагическое и тяжелое положение.

Поэтому, когда с высоты своего духовного одиночества святой старец пустил в нас свои первые стрелы, мы ничего или почти ничего не ответили. Мы уважали этот бессильный, но скорбный гнев. Однако у нас не было бы недостатка в аргументах, не только чтобы отвергнуть его упреки, но и повернуть их против него.

Он говорит, что мы материалисты, атеисты. На это мы ничего не можем ответить, ибо мы являемся ими на самом деле, и мы гордимся этим, поскольку позволено иметь чувство гордости жалким личностям, которые, подобно волнам, поднимаются, чтобы потом исчезнуть в огромном океане коллективной жизни человеческого общества; мы гордимся этим, потому что атеизм и материализм — это истина, или, скорее, действительная основа всякой истины, и потому что, не заботясь о практических последствиях, мы хотим истину прежде всего, и только истину. Кроме того, мы верим, что, несмотря на все видимости противного, несмотря на все трусливые внушения политики осторожности и скептицизма, одна только истина может создать практическое благо для людей.

Таков первый догмат нашей веры; и мы принудим Вас признать, что у нас тоже есть вера, славный учитель! Только она никогда не смотрит назад, но всегда вперед.

Вы не довольствуетесь, однако, указанием на наш атеизм и материализм, вы выводите отсюда заключение, что мы не можем иметь ни любви к людям, ни уважения к их достоинствам; что все великое, что во все времена заставляло биться наиболее благородные сердца: свобода, справедливость, человечность, красота, истина—должно быть нам совершенно чуждо и что, влача бесцельно свое жалкое существование, скорее ползая, чем ступая ногами по земле, мы не знаем других забот, кроме удовлетворения своих чувственных и грубых appetitов.

Если бы это говорил кто-нибудь другой, а не Вы, мы назвали бы его бесстыдным клеветником. Вам, уважаемый и несправедливый учитель, мы скажем, что это прискорбное заблуждение с Вашей стороны. Хотите знать, до какой степени мы любим все эти великие и прекрасные вещи, в знании которых и любви к которым Вы отказываете нам? Знайте же, что мы любим их так сильно, что нам надоело и опротивело видеть их вечно висящими на

Вашем небе, похитившем их у земли, как символы и никогда не осуществимые обещания! Мы не довольствуемся больше фикцией этих прекрасных вещей, мы хотим их в действительности.

А вот второй догмат нашей веры, славный учитель. Мы верим в возможность, в необходимость этого осуществления на земле; в то же время мы убеждены, что все эти вещи, которые Вы обожаете как небесные надежды, став человеческими и земными реальностями, необходимо потеряют свой мистический и божественный характер.

Назвав нас материалистами, Вы думаете, что этим все сказано. Вам кажется, что Вы нас окончательно осудили, раздавили. И знаете, откуда у Вас эти заблуждения? То, что Вы и мы называем материей, — две различные вещи, два совершенно различных понятия. Ваша материя — вымышленное Сущее, как Ваш Бог, как Ваш Сатана, как Ваша бессмертная душа. Ваша материя — это низшая, косная грубость, бытие невозможное, как невозможен чистый, бесплотный, абсолютный дух, и которое, как и последний, существовало лишь в спекулятивной фантазии теологов и метафизиков, этих единственных творцов как того, так и другого. История философии раскрыла нам теперь способ, впрочем весьма простой, бессознательного создания этой фикции, происхождения этого рокового исторического заблуждения, которое в продолжение длинного ряда веков тяготело, как ужасный кошмар, над придавленным умом человеческих поколений.

Первые мыслители, которые неизбежно были теологами и метафизиками, так как ум человеческий устроен так, что он всегда начинает с массы глупостей, со лжи, заблуждения, чтобы прийти к частице истины, что не очень-то рекомендуют святыя традиции прошлого; первые мыслители, говорю я, взяли у всей суммы известных им действительных существ, включая, разумеется, и себя, все, что, казалось им, составляло силу, движение, жизнь, ум, и назвали это общим именем дух; всему остальному, бесформенной, безжизненной массе, которая должна была, по их мнению, оставаться после этой отвлеченной операции, бессознательно произведенной над действительным миром их собственным умом, они дали название материи. После этого они удивились, что эта материя, которая, так же как и этот дух, существовала лишь в их воображении, столь бездейственна, столь глупа по сравнению с их Богом, чистым духом.

Что касается нас, мы откровенно сознаемся, что мы не знаем Вашего Бога, но мы не знаем также и Вашей материи; или, скорее, мы знаем, что как то, так и другое одинаково представляют собой Не-сущее и созданы априори витающей в области спекулятивной фантазии наивных мыслителей прошлых веков. Под этими словами материя и материальное мы подразумеваем тотальность, всю лестницу действительных, известных и неизвестных существ, начиная с самых простых органических тел и кончая строением и деятельностью мозга величайшего гения: самые возвышенные чувства, величайшие мысли, героические акты, акты самоотвержения, обязанности, как и права, добровольный отказ от своего блага, как и эгоизм, все включительно до трансцендентальных и мистических заблуждений Мадзини, так же как и проявления органической жизни, химические свойства и действия, электричество, свет, теплота, естественное притяжение тел, составляют, на наш взгляд, отдельные, разумеется, различные, но тесно связанные между собою проявления тотальности действительных существ, которую мы называем материей.

И заметьте, что мы не считаем эту тотальность какой-то абсолютной и вечно творящей субстанцией, как это делают пантеисты, но вечной, постоянно меняющейся равнодействующей бесконечного ряда всякого рода действий и противодействий или непрерывного ряда трансформаций действительных существ, которые рождаются и умирают в его недрах.

Резюмирую сказанное, чтобы не затягивать этих метафизических рассуждений: мы называем материальным все, что есть, все, что происходит в действительном мире, как в человеке, так и вне его, и мы применяем слово идеальный исключительно к продуктам деятельности человеческого мозга; но так как наш мозг есть вполне материальное образование и, следовательно, вся деятельность его так же материальная, как и деятельность всех других сложных вещей, то отсюда следует, что то, что мы называем материей или материальным миром, нисколько не исключает, а, напротив, обнимает собою неминуемо и мир идеальный.

Есть факт достойный, чтобы над ним подумали наши платонические противники: каким образом происходит, что обыкновенно теоретики-материалисты обнаруживают себя гораздо большими идеалистами на практике, чем они сами? В сущности это вполне логично и естественно. Ведь всякое развитие заключает в себе в некотором роде отрицание отправной точки; теоретики-материалисты исходят из концепции материи, чтобы прийти к чему? К идее. Тогда как идеалисты, беря за отправную точку чистую, абсолютную идею и постоянно повторяя старую басню о первородном грехе, которая есть лишь символическое выражение их печальной судьбы, вечно попадают как в теории, так и на практике в область материи, из которой им никак не удастся выкарабкаться, и какой материи? Грубой, гнусной, глупой, созданной их собственным воображением, как alter Ego или как отражение их идеального Я.

Точно так же материалисты, сообразуя всегда свои социальные теории с действительным ходом истории, рассматривают животную стадию, людоедство, рабство как первые отправные пункты эволюции общества; но к чему они стремятся, чего хотят? Они хотят освобождения, полного очеловечения общества; тогда как идеалисты, которые берут за основу своих спекуляций бессмертную душу и свободу воли, неизбежно приходят к культу общественного порядка, как Тьер, и к культу власти, как Мадзини, то есть к освящению и установлению вечного рабства. Отсюда ясно следует, что теоретический материализм имеет необходимым следствием практический идеализм и, наоборот, идеалистические теории находят свое возможное существование лишь в самом грубом практическом материализме.

Вчера, на наших глазах, где были материалисты и атеисты? В Парижской коммуне. А где были идеалисты, верующие в Бога? В Версальском Национальном собрании. Чего хотели люди Парижа? Они хотели окончательного освобождения человечества посредством освобождения труда. А чего хочет теперь победоносное Версальское собрание? Окончательного падения человечества под двойным игом духовной и светской власти. Материалисты, полные веры и презирующие страдания, опасность и смерть, хотят идти вперед, потому что они видят перед собой торжество человечества; а идеалисты, задыхаясь, не видя ничего перед собой, кроме кровавых призраков, хотят во что бы то ни стало опять толкнуть его в тину, откуда ему так трудно выбраться. Пусть сравнивают и

судят!

Мадзини утверждает своим доктринерским, не терпящим возражений тоном, свойственным всем основателям новых религий, что материалисты не способны любить и посвятить свою жизнь служению великим идеалам. Говоря это, он только доказывает, что, как последовательный идеалист и презирующий человечество во имя своего Бога, очень серьезно считая себя его пророком, он не имеет никакого понятия ни о человеческой природе, ни об историческом развитии общества и что если он не совсем невежда в истории, то он ее понимает странным образом.

Он рассуждает, как все теологи. Если бы не было Бога-творца, говорит он, мир со всеми своими удивительными законами не мог бы существовать или представлял бы лишь ужасный хаос, в котором все не управлялось бы божьим промыслом, а было бы предоставлено на волю судьбы и беспорядочному действию слепых сил. Не было бы никакой цели в жизни; все было бы только материальным, грубым и случайным. Ибо без Бога нет гармонии в физическом мире и нет нравственного закона в человеческом обществе; а без нравственного закона нет долга, нет права, нет добровольной жертвы, нет любви, нет человечности, нет отечества, нет Рима и нет Италии; ибо если Италия существует, как нация, то только потому, что она должна выполнить мировую провиденциальную миссию; а она могла получить эту миссию только от Бога, отеческая заботливость которого об этой царице наций дошла до того, что он своим собственным божественным перстом начертил ее границы, угаданные и описанные пророческим гением Данте.

В следующих статьях я постараюсь доказать против Мадзини:

1. Что, если бы существовал Бог-творец, мир никогда не мог бы существовать.
2. Что если бы Бог был законодателем естественного мира — который, по нашему понятию, заключает в себе весь мир в собственном смысле этого слова, как физический мир, так и мир человеческий и социальный, — то то, что мы называем естественными законами, как законы физические, так и социальные, тоже не могло бы существовать. Как все политические государства, управляемые сверху вниз самовластными законодателями, мир представлял бы тогда зрелище возмутительного хаоса. Он не мог бы существовать.
3. Что нравственный закон, существование которого мы, материалисты и атеисты, представляем себе более реально, чем это могут сделать идеалисты какой бы то ни было школы, мадзинисты или не-мадзинисты, является действительно нравственным законом, законом, который должен восторжествовать над заговорами всех идеалистов мира, только потому что он вытекает из самой природы человеческого общества, действительные основы которой надо искать не в Боге, а в животном мире.
4. Что идея Бога, далеко не необходимая для установления этого закона, внесла в него лишь путаницу и извратила его.
5. Что все Боги, прошлые и настоящие, обязаны своим начальным существованием человеческой фантазии, едва освободившейся от пелены своей первобытной животности; что вера в сверхъестественный, или божественный, мир является лишь исторически

неизбежным заблуждением в прошлых стадиях развития нашего ума и что, употребляя выражение Прудона, люди, обманутые известного рода оптической иллюзией, всегда поклонялись в своих Богах только собственному образу, чудовищным образом преувеличенному.

6. Что божество после того, как оно воссело на свой небесный трон, сделалось бичом человечества, союзником всех тиранов, всех шарлатанов, всех мучителей и эксплуататоров народных масс.

7. Что, наконец, исчезновение божественных призраков, необходимое условие торжества человечества, будет одним из неизбежных последствий освобождения пролетариата.

Пока Мадзини довольствовался оскорблением учащейся молодежи, которая одна только в среде глубоко развращенной и так низко павшей современной буржуазии проявляет еще немало энтузиазма по отношению к великим идеям, истине и справедливости; пока он ограничивался нападками на немецких профессоров, на Молешоттов, Шиффов и других, которые совершают ужасное преступление — преподают истинную науку в итальянских университетах, и пока он забавлялся тем, что доносил на них итальянскому правительству как на распространителей вредных идей в отечестве Галилея и Джордано Бруно, мы могли хранить молчание, диктуемое нам чувством уважения и жалости к нему. Молодежь достаточно энергична и профессора достаточно учены, чтобы самим защищаться.

Но теперь Мадзини переступил границы. По-прежнему оставаясь добросовестным и по-прежнему вдохновляемый своим идеализмом, фанатическим и искренним, он совершил два преступления, которые, на наш взгляд, на взгляд всей социалистической демократии Европы, непростительны.

В тот самый момент, когда геройское население Парижа, самоотверженнее, чем когда-либо, десятками тысяч, с женщинами и детьми, шло на смерть, защищая самое человеческое, самое справедливое, самое великое дело, когда-либо происходившее в истории, — дело освобождения трудящихся всего мира; когда ужасная коалиция всех гнусных столпов реакции, которые празднуют теперь свою победную оргию в Версале, не довольствуясь массовыми избиениями и заключением в тюрьмы наших братьев и сестер Парижской Коммуны, выливают на них потоки грязи и клевет, какие могут возникнуть только в мозгу людей, потерявших всякий стыд, Мадзини, великий, чистый демократ Мадзини, отворачиваясь от пролетарского дела и помня только свою миссию пророка и жреца, тоже бросает против них оскорбления! Он осмеливается отрицать не только справедливость их дела, но и их геройское, величайшее самоотвержение, выставляя их, пожертвовавших собой для освобождения всего мира, грубыми существами, не знающими никаких нравственных законов и повинующимися лишь эгоистическим и диким порывам.

Не в первый раз Мадзини оскорбляет и клеветает на парижский народ. В 1848 г., после достопамятных июньских дней, которые открыли в Европе эру пролетарской борьбы и социалистического движения в собственном смысле слова, Мадзини выпустил гневный манифест, предающий проклятию и парижских рабочих, и социализм. Против рабочих 1848 г., самоотверженных, геройских, как их сыновья 1871 г., и, как и эти последние, массами

избываемых, сажаемых в тюрьмы, ссылаемых на каторжные работы буржуазной республикой, Мадзини повторял все клеветы, пущенные в ход Ледрю-Ролленом и его друзьями, так называемыми красными республиканцами Франции, чтобы извинить в глазах мира и, может быть, своих собственных свое смешное и постыдное бессилие.

Мадзини проклинает социализм, как жрец или как делегат, посланный всевышним господом; он должен проклинать его, так как социализм, рассматриваемый с нравственной точки зрения, — это уважение человека, приходящее на смену божественному культу; и, рассматриваемый с научной, практической точки зрения, это — провозглашение великого принципа, который, вошедши отныне в сознание народов, стал единственным отправным пунктом как исследований и развития позитивной науки, так и революционного движения пролетариата.

Этот принцип, во всей своей простоте, следующий:

«Как в мире, называемом материальным, неорганическая материя (механическая, физическая, химическая) есть определяющая основа органической материи (растительной, животной, умственной или мозговой), точно так же и в мире социальном, который, впрочем, может рассматриваться лишь как последняя известная нам ступень развития материального мира, развитие экономических вопросов всегда было и продолжает еще быть определяющей основой всякого развития религиозного, философского, политического и социального».

Мы видим, что этот принцип приносит с собой ни более ни менее как самое смелое низвержение всех теорий, как научных, так и нравственных, всех религиозных, метафизических, политических и юридических идей, которые все вместе составляют верование всех идеалистов, прошлых и настоящих. Это революция в тысячу раз более грозная, чем революция, которая начиная с эпохи Возрождения и особенно с семнадцатого века ниспровергла схоластические доктрины, этот оплот церкви, неограниченной монархии и феодального дворянства, чтобы заменить их метафизическим догматизмом так называемого чистого разума, столь благоприятного для господства последнего привилегированного класса, то есть буржуазии.

Если низвержение схоластического варварства вызвало такое страшное волнение в свое время, то понятно, какой переполох должно вызвать в наши дни свержение доктринерского идеализма, этого последнего убежища всех привилегированных угнетателей и эксплуататоров человечества.

Эксплуататоры идеалистических верований чувствуют угрозу своим самым дорогим интересам, а бескорыстные, фанатические и искренние сторонники умирающего идеализма, как Мадзини, видят, что одним ударом уничтожается вся религия, вся иллюзия их жизни.

С самого начала своей деятельности Мадзини не переставал повторять пролетариату Италии и всей Европы следующие слова, которые резюмируют его религиозный и политический катехизис: «Будьте нравственными, поклоняйтесь Богу, примите нравственный закон, который я приношу вам его именем, помогите мне воздвигнуть

республику, основанную на сочетании (невозможном) разума и веры, божественной власти и человеческой свободы, и вы будете иметь славу, могущество и, кроме того, благоденствие, свободу и равенство».

Социализм говорит ему, наоборот, устами Интернационала:

«Что экономическое порабощение рабочего владельцем сырья и орудий производства есть источник рабства во всех его видах: социального, умственного и политического» и

«Что поэтому экономическое освобождение рабочих классов есть великая цель, которой политическое движение должно быть подчинено, как простое средство».

Такова в своей простоте основная мысль Международного Товарищества Рабочих.

Понятно, что Мадзини должен был его проклинать; и это второе преступление, в котором мы его упрекаем, признавая, впрочем, что в своем проклятии он повиновался своему внутреннему сознанию пророка и жреца.

Но, отдавая справедливость его бесспорной искренности, мы должны отметить, что, присовокупляя свои оскорбительные нападки к ругательским поношениям всех реакционеров Европы против наших несчастных братьев геройских защитников и мучеников Парижской Коммуны и свои проклятия к проклятиям Национального собрания и папы против законных требований международной организации рабочих всего мира, Мадзини окончательно порвал с революцией и занял место в международной реакции.

В следующих статьях, рассматривая одно за другим все его обвинения против нашего великого Товарищества Рабочих, я постараюсь показать всю нищету религиозных и политических доктрин пророка.